

УДК 396.1 (Женский труд)

**ВОСПРОИЗВОДСТВО КАДРОВ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В
СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ГЕНДЕРНЫЙ И
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Н. Л. Пушкарёва

Российская Академия наук,
*институт этнографии и антропологии, сектор гендерных исследований,
Москва*

В статье на обширном материале анализируются три волны феминизации российской науки на протяжении столетия, проблемы неравной оплаты и иных проявлений гендерной асимметрии в современной системе Российской академии наук.

Ключевые слова: история женского труда, история женщин, гендер, гендерные дискриминации, гендерная асимметрия, антропология академической жизни, история повседневности.

Право на полноценное образование как основу будущей научной деятельности российские женщины формально получили только после Октябрьской революции 1917 г.¹ Новая система обучения и образования была ориентирована прежде всего на преодоление неграмотности среди женщин-работниц и крестьянок. За короткий срок, к 1926 г., грамотность взрослых женщин достигла 42 %, в городах – почти 75 %, а к началу 1930-х гг. неграмотность среди женщин в России была в основном ликвидирована. И если к 1928 г. в РСФСР было зарегистрировано 14 805 научных работников (большая часть которых была сосредоточена в Москве и в Ленинграде), то женщины-учёные составляли в этом сообществе 23 % учёных Ленинграда, в Москве – 18 %, в провинции – 12 % от общего числа научных работников².

В становящейся на ноги советской науке было уже немало «женских кадров», доставшихся ей с дореволюционных времён или включившихся в её работу сразу после революции. Достойные примеры российских женщин-учёных имелись (правда, отнюдь не «из народа»). Одной из них была Л. М. Штерн – физиолог и биохимик, уехавшая ещё до революции учиться в Швейцарию и защитившая там кандидатскую, а затем (в 39 лет) и докторскую диссертацию. Заведовавшая кафедрой физиологической химии в Женевском университете с 1917 по 1925 г., она в середине 1920-х гг. пере-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00283а).

² *Черных А. И.* Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии. М., 2000.

бралась в Москву и впоследствии (в 1939 г.) стала первой советской женщиной-академиком АН СССР³.

Впрочем, при предприятиях уже в первые годы советской власти стали создаваться фабрично-заводские училища, ФЗУ, в которых 60 % мест резервировалось за женщинами. При университетах возникали рабочие факультеты, рабфаки – за один год обучения после школы девушки и юноши из среды рабочих и крестьян могли подтянуть свои знания до уровня тех, кто вырос в интеллигентных семьях и мог сдать экзамены в университет сразу после получения школьного аттестата. Так или иначе, но 1920-е гг. в России отмечены *первой волной* феминизации российской науки⁴. Женщины составили четверть всех обучавшихся на рабфаках (и так было до 1941 г.), число студенток в предвоенные годы постепенно достигло почти половины всех учащихся вузов (43 %). Но многие ли из них действительно могли в дальнейшем «пойти в науку»?

Процесс феминизации науки в России был поначалу очень медленным, хотя и носил устойчиво поступательный характер (по крайней мере, до 1930-х гг.)⁵. В это время в большинстве стран Европы, в США и в Канаде начался уже «отлив» – уменьшение ранее также возраставшего числа женщин-учёных (это было связано с разразившимся экономическим кризисом, и пострадали от него, как водится, прежде всего женщины). Так, в США доля женщин среди докторов наук, в профессорско-преподавательском составе существенно снизилась, и вновь достичь уровня 20-х гг. удалось только спустя пять десятилетий. Как ни странно, число женщин-учёных среди руководства Большой Наукой оставалось небольшим и в Советской России, постоянно постулировавшей равенство мужчин и женщин и равное использование их труда. При этом статистические данные свидетельствуют, что тенденция увеличения доли женщин в научных кадрах всё-таки сохранялась на протяжении всей истории развития отечественного научного знания, а в отдельные периоды темпы роста соответствующих показателей опережали таковые для мужчин⁶. Если до 1917 г. они составляли в России менее 10 % научных работников, то в течение следующих 20 лет их численность в науке возросла значительно быстрее, чем численность мужчин. Так, за период 1918–1919 гг. доля женщин в науке увеличилась в 5 раз; в 1929–1936 гг. – в 32 раза, тогда как доля мужчин в науке за эти же периоды возросла, соответственно, лишь в 2 и 1,5 раза.

Так, закончив университеты и вузы, бывшие студентки имели право поступить в аспирантуру и в дальнейшем держать путь в науку через так называемый Институт красной профессуры (1930–1938) – главную кузницу

³ Григорьян Н. А. Первая советская женщина-академик // Вестн. РАН. 2003. Т. 73. № 8. С. 735–738.

⁴ Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Женщины в науке // Вестн. РАН. 1993. Т. 63. № 8. С. 697.

⁵ Мирская Е. З. Учёный и современная наука. Ростов-н/Д., 1971.

⁶ Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Указ. соч. С. 697.

научных кадров «из народа» с многочисленными факультетами (сельскохозяйственный, экономический, исторический, философский, строительства, права, литературы, искусства и др.). Однако вплоть до конца 1930-х гг. число женщин-учёных в СССР всё-таки было незначительно, хотя работы некоторых из них внесли большой вклад в российское научное знание (так, история поиска женщиной-микробиологом Татьяной Власенковой отечественного аналога пенициллина, открытого англичанином Флемингом в 1928 г., легла в основу романа Вениамина Каверина «Открытая книга» – однако в действительности прототип такой женщины-биолога был собирательным, не было такой женщины-учёной). Высшее образование – «возвышенное» в том числе и в своих целях – не смогло даже при советской власти избежать логики половой дифференциации. В СССР (как и в большинстве стран Европы и в США), больше всего женщин с учёными степенями оказалось на кафедрах литературы. Мало женщин «дорастали» до профессоров, большинство оставались на уровне доцента. Первые выпуски юридических факультетов университетов дали женщинам право на адвокатскую деятельность – но реализовалось оно неохотно (такова была общая политическая ситуация), не менее неохотно, чем научно-исследовательская деятельность этих выпускниц в научно-исследовательских институтах.

1920–1930-е гг. – *первая волна феминизации* российской науки, порождённая новой социальной ситуацией, принятием законов, обещающих равные права мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии. Женщины, имевшие нужное социальное происхождение (из рабоче-крестьянской среды), получили дополнительные льготы при поступлении в вузы и выборе профессии, что явилось основной причиной их притока в науку⁷.

Вторая волна феминизации российской науки и основной приход женщин в неё стали очевидны через десять лет после окончания Великой Отечественной войны. Именно тогда окончательно выросло и сформировалось поколение, не знавшее препятствий в получении образования (все были рождены перед или сразу после 1917 г.), т. е. препон, связанных с гендерной асимметрией. Во время войны, когда многие мужчины оказались на фронте, женщины заняли их места, в том числе и во властных структурах, на уровне принятия решений, а после войны, когда ушедшие вернулись, зачастую не хотели возвращаться обратно, к плите и уборкам, в домашнюю сферу, но, напротив, продолжали образование, стремились получить научную степень. Это происходило на фоне крайне тяжёлого социально-экономического положения (пойти получать высшее образование в послевоенные годы могли себе позволить те, кто не был обременён семейными обязательствами, кто не боялся жить на нищенскую студенческую стипендию – а прожить было можно!), в условиях довольно неопределённого, а

⁷ Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.

иногда и откровенно недоброжелательного отношения к женской карьере. Именно в таких условиях женщины (многие из которых были интеллигентками в первом поколении, дочерьми рабочих и крестьян) шли учиться, а после учёбы в вузе выбирали нелегкую стезю учёных.

Вторая волна феминизации прокатилась на фоне организованного расширения советской науки. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. потребовалось огромное количество специалистов с высшим образованием, студентки же составляли около половины выпускников советских вузов. Престижная и хорошо оплачиваемая сфера труда не только манила, но и принимала их. Дополнительным стимулом служил относительно свободный режим работы. Однако, анализируя ситуацию, сложившуюся в то время, можно говорить скорее о росте числа женщин, пришедших в систему «научного обслуживания». Их доля среди исследователей с должностями и званиями увеличивалась очень медленно. Но всё же довольно быстро стали «женскими» гуманитарные науки (в которых нужны были женщины для работы архивистами, младшими научно-техническими сотрудниками), и лишь затем стала возрастать численность женщин в технических науках и таких отраслях знания, как фармакология, биология, химия, медицина, география⁸. Но и там тоже при быстром росте числа женщин на самых низших научных должностях количество женщин-учёных, защитивших кандидатские, а тем более докторские диссертации, росло не слишком интенсивно, а получивших звания членов-корреспондентов и академиков Академии наук СССР вообще можно было пересчитать по пальцам. Даже в пресловутую хрущевскую «оттепель» – в середине 1950-х – начале 1960-х гг. – на эту диспропорцию мало кто обращал внимание⁹. Тем важнее отметить: впервые в истории партийных съездов голос в защиту свободных дискуссий в науке подняла женщина – первая женщина-академик по отделению истории АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории» А. М. Панкратова. Именно она, выступая на XX съезде партии, первой решилась сказать о сильном отставании СССР в развитии общественных наук¹⁰.

Как в 1940-е гг., так и тридцать лет спустя, число девушек-студенток постоянно росло: к середине 1970-х гг. студентки составили большую половину российского студенчества. Однако в дальнейшем эти девушки и женщины с высшим образованием, попав в сферу управления

⁸ Гантман Ю. Н. Удовлетворение деятельностью в связи с качествами личности и параметрами осуществляемой деятельности // Психологические вопросы становления профессионала / под ред. К. М. Гуревича. М., 1976. Вып. 1. С. 102–115.

⁹ Пельц Д., Эндриус Ф. Учёные в организациях. Оптимальные условия для исследований и разработок. М., 1973.

¹⁰ Городецкий Е. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х гг. // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 71.

или науки, оказывались занятыми не самим творческим трудом, а подготовительными операциями, рутинной, канцелярской работой¹¹.

Общая ситуация в истории развития науки способствовала сохранению дисбаланса. Количество исследовательских учреждений продолжало в 1970-х – начале 1980-х гг. расти, но уже не столь интенсивно, как в 1960-е гг. Государство активнее всего развивало военную отрасль и обслуживающие ее научные технологии, гражданское же производство не абсорбировало научных достижений, и в нем огромные расходы оборачивались растратами. Престиж и общественная значимость науки падали. К концу 70-х гг. рост финансирования науки замедлился, развитие (пусть хотя бы экстенсивное) прекратилось.

Это привело к торможению должностного продвижения молодых ученых и относительному понижению оплаты труда. Приток мужчин в научную сферу стал уменьшаться, а темпы феминизации усиливаться. К 1988 г. численность женщин-ученых возросла по сравнению с 1960 г. более чем в 4,7 раза и достигла 40 % от общего количества занятых в этой сфере. Но при том, что из общей численности людей с законченным высшим образованием женщины составляли 40 %¹², из них имеющих кандидатскую степень было всего около 30 %, профессоров и докторов наук в общем числе докторов было только 13 %, а женщин-академиков в советское время было около 5 % (сейчас чуть более 1 %, и очевидную известность и признание как научные организаторы и борцы за права женщин в науке имеют лишь Т. И. Заславская¹³ и Н. М. Римашевская).

Женщины составляли большинство тех, кто вел черновой научный и лабораторный поиск, а открытия на его базе делали мужчины, занимающие посты директоров, заведующих, шефов программ. Основную часть учителей составляли женщины, а директорами школ, руководителями в системе образования были мужчины. В итоге при нашем «социалистическом равенстве» лишь 10 % женщин с высшим образованием имели высокооплачиваемую работу (среди мужчин таких было 46 %).

В середине 80-х гг. в России началась «перестройка», а следствием её была *третья волна феминизации российской науки*¹⁴. Её характерная черта: доля женщин в науке возрастает не только из-за того, что их приток увеличивается, но и вследствие уменьшения количества стремящихся в науку мужчин. Заметное снижение общественного статуса научной деятельности, которое отмечалось во второй половине 70-х и в начале 80-х гг. (в годы так называемого «структурного кризиса», связанного с рационализацией производственной сферы на основе энерго- и человекоёмких технологий) во многих экономически развитых странах, привело к оттоку части мужчин в более престижные области. Это явление вполне соответствует

¹¹ Кадры науки России // Информ. бюл. Центра исследований статистики науки. М., 1992. № 5. С. 4–5.

¹² Душацкий Л. Е. Самореализация учёного в реформируемой науке: условия, проблемы, пути решения: дис. ... канд. социол. наук. М., 1993. С. 15.

¹³ Бессонова О. Э., Шабанова М. А. Новосибирская экономико-социологическая школа // Социс. 2000. № 8. С. 79–88.

¹⁴ Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Указ. соч. С. 693–700.

известной ориентации представителей сильного пола на профессиональные достижения в перспективных и престижных видах деятельности, а также на высокий заработок. Ещё одна современная тенденция заключается в том, что в мировом научном процессе (и наша страна не исключение) женщин-учёных стали расценивать в качестве «дополнительного ресурса», позволяющего ускорить развитие научно-технического потенциала.

Сложная социально-экономическая ситуация, в которой оказались российская наука и образование, отсутствие последовательной и целенаправленной государственной политики поддержки науки, падение престижа (прежде всего по финансовым причинам) профессий учёного и преподавателя высшей школы привели к ускоренному оттоку интеллектуальной элиты из этих сфер деятельности в другие более перспективные и высокооплачиваемые сферы. К 1988 г. численность женщин, занятых в сфере науки, возросла в 4,6 раза по сравнению с 1961 г. и составила 40,3 % от общего числа научных работников¹⁵. В этот момент учёные в стране (по крайней мере, в большинстве крупных городов) являли собой элиту общества. Они читали книги, которые не читали другие, их интересовали дискурсы, недоступные простому населению. Советские учёные были подобны советским художникам или литераторам, властвовавшим над умами и формирувавшим новые темы и смыслы.

М. С. Горбачев искренне верил в то, что можно будет внести небольшие изменения в сложившуюся социальную систему, не затрагивая её основ. Однако этого не произошло. Крушение прежних идеологических ориентиров, право на свободный выезд за рубеж, резкое снижение уровня жизни народа в целом и учёных в частности привели к тому, что в начале 1990-х гг. в России резко упал престиж профессий учёного и преподавателя высшей школы. Это повлекло за собой отток интеллектуальной элиты из данных сфер деятельности¹⁶. В первых рядах учёных, покинувших российскую науку и сферу высшего образования, оказались мужчины¹⁷. Это они решительно уезжали за рубеж продолжать свою научную карьеру, чему способствовало также отсутствие последовательной государственной политики поддержки науки, её неоправданная реструктуризация (ликвидация науки фундаментальной и ориентация только на сиюминутную практическую выгоду).

Чаще всего уезжавшие являли собой наиболее мобильную профессиональную группу – это были 30–40-летние мужчины с учёными степенями, с большим числом научных публикаций. Отток мужских кадров увеличил долю женщин в науке: в 1991 г. они составили уже более половины (51 %) от общего числа работающих в этой сфере. И Россия неожиданно ока-

¹⁵ Научные кадры СССР / ред. В. Ж. Келле, С. А. Кугель. М., 1991.

¹⁶ *Войтович С. А.* Тенденции изменения привлекательности профессий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1989.

¹⁷ *Леонтьева В. Н., Сумятин В. Н.* Зачем «технарю» аспирантура? // Социс. 1993. № 3. С. 55–62.

залась на первом месте в мире по числу учёных-женщин: доля женщин среди учёных в развитых странах сейчас составляет примерно от 20 до 36 %. Однако в нашей стране сложилась парадоксальная ситуация: увеличение доли женщин-учёных не привело к увеличению их представленности на уровне принятия решений и не преодолело патриархальных стереотипов. Всё большее число женщин поступало в ВУЗы, причём на самые «неженские» специальности, например инженерами горного дела (в 1990-е гг. число таких женщин выросло на 15 %), но это, конечно, не значило, что после обучения молодые «инженерши» предполагали спускаться под землю и работать вместе с шахтерами¹⁸. Вопрос стоял о получении качественного образования, позволяющего в том числе остаться «в науке» и иметь те преимущества, которые давались учёным, прежде всего свободный график работы, наличие свободного времени¹⁹. Невысокий уровень профессиональной и территориальной мобильности женщин общеизвестен. Они по инерции оставались на своих рабочих местах, довольствуясь минимальной заработной платой и небольшой загруженностью в научно-исследовательских институтах. Кроме того, именно женщины сохраняли высокую приверженность занятости в условиях стабильности и минимального риска, что фактически соответствовало ориентации на бюджетный сектор экономики. Что же касается научной деятельности в рамках вузовской науки, то именно женщины ставили преподавание на первое место, рассматривая научно-исследовательскую творческую работу как дополнительную, а потому не слишком важную для заработка.

Кроме того, обнаружилась и иная тенденция. Именно 1990-е гг. оказались временем, когда профессиональная квалификация как таковая перестала иметь значение для престижного трудоустройства. Определяющими факторами стали для молодых амбициозных женщин личные связи, от которых зависит включение в тот или иной «клан», индивидуально-личные особенности, деловые качества, позволяющие удержаться и расти в найденной структуре. Учёные перестали являть собой элиту общества – ни интеллектуальную, ни культурную. Их авангард, если всё ещё и продолжал существовать, оказался разбит, рассредоточен, не собран.

Редко когда научная деятельность стала удовлетворять женщин как вид профессиональной занятости, но всё же женщины, оставшиеся в науке, были довольно многочисленны²⁰. Не случайно именно они – по разным причинам не сумевшие решиться на более или менее продолжительные зарубежные командировки, но однако же обладавшие значительным запасом знаний – составили немалую часть так называемых «информационных ми-

¹⁸ Любимова Г. Ю., Паутов Л. В., Проскурин С. К. О современных проблемах отечественного профессиоведения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1996. № 1 (январь-март). С. 3–12.

¹⁹ Реан А. А. Психологический анализ проблемы удовлетворенности избранной профессией // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 83–87.

²⁰ Климова С. Г., Дунаевский Л. В. Новые предприниматели и старая культура // Социс. 1993. № 5. С. 64–68.

грантов», т. е. тех, кто принял решение публиковать результаты своих научных разработок скорее и больше в западных, чем в российских журналах и сборниках, как правило не доступных для отечественных пользователей. «Потери от информационной миграции такого рода, – били тревогу специалисты, – возможно, окажутся в дальнейшем даже более ощутимыми, чем от общепризнанных, явных её видов»²¹. Женщины куда реже, чем мужчины-учёные, устремлялись на Запад без оглядки и надолго; напротив, тенденцией стало их стремление публиковать свои работы в зарубежных журналах, тем самым «заявлять» о себе зарубежным коллегам и затем предлагать им взаимовыгодное, сопутствующее разработке основной темы и основной (например, преподавательской) работе сотрудничество.

На исходе XX в. (в 1995/1996 уч. г.) девушки-студентки составили 54 % от общего числа российских студентов²², на женщин-ученых пришлось 48,8 % кадрового потенциала науки²³. Подобное равенство и даже «феминизация» системы высшего образования и науки в России воспринималось как нормальное явление. Это понятно, ведь начиная с 1960-х гг. увеличение доли женщин носило, условно говоря, постоянный, устойчивый, эволюционирующий характер (1961 г. – 37,3 %, 1988 г. – 40,3 %), а с конца 60-х гг. вообще приобрело быстрый, «скачкообразный» характер. Анализ статистических материалов показал, что рост доли женщин по различным дисциплинам был неравномерен. Они составили более половины кадрового состава в таких научных отраслях, как химия, биология, география, медицина, сельское хозяйство, архитектура, фармакология и гуманитарные науки. Что касается физики, математики, механики и астрономии, то там сильный пол примерно 15 лет назад перевешивал слабый приблизительно в 1,5–2,5 раза²⁴. В 1994 г. число женщин-исследователей в российской науке составило 48,8 %. В 1990–1993 гг. оно примерно стабилизировалась на уровне 51 %²⁵.

Причём увеличение доли женщин носило не абсолютный, а относительный характер – при уменьшении числа учёных, научных работников вообще в процентном отношении численность женщин возросла, наука ещё более феминизировалась (в 1988 г. женщин-исследователей было 417 371 чел., а в 1994 г. – 256 328 чел.)²⁶. Общая тенденция феминизации российской науки проявилась в рамках подготовки научных кадров высокой квалификации – аспирантов. За трёхлетний период (1990–1993) удельный вес женщин-аспирантов возрос с 35 до 47 %. Причём эта тенденция носила не локальный характер: она проявлялась не в отдельных, а во всех без исключения экономи-

²¹ Зусьман О. М. Информационная эмиграция ученых. Постановка проблемы // Интеллектуальная миграция в России / ред. С. А. Кугель. СПб., 1993. С. 54.

²² Высшее образование в России. М., 1996. С. 19.

²³ Наука России в цифрах: 1995. М., 1996. С. 29.

²⁴ Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Указ. соч. С. 694.

²⁵ Дежина И. У науки женское лицо? URL: http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5383

²⁶ Наука России в цифрах: 1995. С. 26.

ческих регионах России²⁷. Высокообразованные и высококвалифицированные женщины испытывали статусную фрустрацию: большинство опрошенных считало, что уровень их образования и подготовки выше требуемого для выполнения их конкретной деятельности; женщины постоянно были вынуждены соглашаться на работу, не соответствующую их уровню образования и подготовки, бесперспективную с точки зрения карьерного роста. В кластере социальных аутсайдеров – согласно социологическим опросам 1990-х гг. – женщины устойчиво составляли абсолютное большинство: ядро кластера – женщины-дипломированные специалисты (с высшим образованием)²⁸, не устроенные в семейной жизни, часто – матери-одиночки. Нисходящая социальная мобильность стала отличительной чертой данной группы: они боялись уйти из научной сферы, страшась менять профессию и в то же время немногого могли достичь в науке, оставшись в ней.

Общей тенденцией развития российской науки к концу XX в. оказалась её ограниченная феминизация. При этом проблемы работы женщин в науке, её эффективности оказались свойственны не только перестраивающейся России, но и всем без исключения промышленно развитым странам. Процессы феминизации науки проявили свои национальные особенности, но в целом обнаружили ряд единых для большинства промышленно развитых стран закономерностей. В общесоциальном контексте вхождение женщин в науку практически повсеместно рассматривается как активное вовлечение их в общественное производство в сфере высококвалифицированного труда²⁹. Как социальное явление оно представлено в аналитических работах как безусловно позитивное. Сами же женщины, согласно социологическим опросам, относятся к своему месту в науке, представленности в ней и оплате своего труда, как и к своим отношениям с властью вообще, очевидно метафизически. Для современных женщин в науке характерно устойчивое ощущение невозможности изменений. Они готовы размышлять о том, *почему* ничего сделать нельзя, готовы говорить об этом, писать, но не предпринимать активных действий.

В то же время не только в РФ, но и во всём мире при экономической нестабильности и росте безработицы в первую очередь страдают женщины, в том числе это относится и к женщинам-учёным. При этом в условиях роста безработицы женщине практически вменяется комплекс вины за её профессиональные устремления и попытку выбирать свой жизненный сценарий, поскольку её стремление иметь интересную творческую профессию с достойной оплатой за сделанный труд означает, что она отнимает эту работу у отца, мужа, брата, иными словами, работает в ущерб семье³⁰.

²⁷ Наука России: 1994. М., 1995. С. 56.

²⁸ Балабанов В. А., Воронин Г. А. и др. Динамика социальной структуры // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998. С. 292.

²⁹ Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Указ. соч.

³⁰ Гимпельсон В. Е., Магун В. С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 135–160; ср.: о женщи-

При одинаковом с мужчинами образовании, профессиональном опыте и трудовом стаже в неблагоприятных условиях они чаще лишаются своих мест в институтах РАН, в лучшем случае – занимают временные должности или заняты неполный рабочий день, что позволяет выплачивать им меньшие, чем мужчинам, зарплаты. Социологическое исследование по поводу «грядущей безработицы» в российской науке, проведённое в 1991 г., показало, что боязнь остаться без работы испытывали 45 % женщин-учёных и 28 % их коллег-мужчин³¹. Ещё одна обнаружившаяся тенденция является следствием использования женщин на «обслуживающих» должностях и позициях: в развитых странах женщин-учёных стали расценивать в качестве дополнительного ресурса научно-технического потенциала. Значительная часть талантливых женщин продолжает оставаться на положении помощников³².

В российской науке, так же как и в науке постсоциалистической и постсоветской (в бывших республиках СССР), женщины-учёные неодинаковы по своим способностям, устремлениям, амбициям, организаторским способностям³³. Одна категория – это женщины-генераторы идей. Вторая категория – опять-таки среди успешных женщин-учёных – это категория лиц, добившихся явных успехов внеучёными способами. Третья категория – те, что довольствовались неяркой ролью в научном процессе. Они могли бы выдвинуться и в лидеры, но не обладали такими амбициями. Последние (и их немало) – это те, что не дотягивали по способностям до заметной научной карьеры. Они шли в науку, чтобы выполнять обслуживающие функции, и тем более не претендовали на что-то большее.

Новые экономические условия, давшие возможность развернуть политику западных фондов, дали шанс продержаться и выжить преданным науке учёным-женщинам. Однако в сравнении с мужчинами доля женщин-грантёров все-таки была, как мы видим, невелика. Аналогичная картина – в сводке данных по российским научным фондам. Если анализировать данные Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), то там доля женщин среди исполнителей проектов равна 33 %, а среди руководителей – только 14 %. При этом в должностном разрезе картина осталась традиционной для советской науки: среди руководящих работников доля женщин-участников проектов РФФИ составляет около 5 %, среди заведующих кафедрами, заведующих отделениями, профессоров, главных научных сотрудников – не более 10 %³⁴.

нах: Гусейнова Л. А. Поиск эффективных подходов к переходу России на устойчивое развитие: особенности социокультурной эволюции ценностных ориентаций женщин на работе и в семье в современном обществе // Служба кадров. 1997. № 11. С. 129–132.

³¹ Сазонов В., Попов Н., Волков Р. Учёные без работы: причины и следствия // Радикал. 1991. № 40. С. 15.

³² Богданова И. Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социс. 2004. № 1. С. 11.

³³ Категоризация И. Дежиной. См.: Дежина И. Указ. соч.

³⁴ Харламенкова Н. Е. Психологический аспект проблемы самоутверждения личности // Вестн. РГНФ. 1996. № 3. С. 185–191.

На рубеже XX и XXI вв. в России произошла радикальная смена строя. Появилась, по сути, иная страна – так серьёзны были последовавшие за «перестройкой» и развалом Советского Союза изменения в экономике, в культурных и нравственных ориентирах³⁵. Особенно «досталось» гуманитарным наукам: их обвинили в том, что никакого нового знания они не производят, но лишь имитируют работу и прогресс в ней³⁶. Грантовая система финансирования (а она стала вытеснять бюджетную: по грантам учёные получали многократно больше, чем по основному месту работы) стала порождать в науке закрытость, разрушение системы научных школ, потому что «учёный учёному – враг» или, по крайней мере, конкурент в получении крупной суммы денег. По сравнению с ситуацией, отразившейся в эмпирических исследованиях социологов науки 1994 г., два последующих пилотажа (1998 и 2001 гг.) показывали постепенное, достаточно медленное, но все же *ухудшение* основных показателей профессиональной эффективности учёных³⁷. Вера учёных в позитивную трансформацию науки медленно, но неуклонно падала с начала 1990-х к началу XXI в. (число оптимистов, позитивно оценивающих преобразования, снизилось с 57 % до 63 %), а ожидание разрушения системы академического знания (РАН) усиливалось. Учёные во всех значимых институтах системы РАН отмечают постепенное понижение оценок качества научных результатов, получаемых в их научных коллективах (по сравнению с условным научным уровнем в той же области). И все же, грубо обобщая, около половины сотрудников академических институтов оценивают состояние науки в целом в начале XXI в. как «удовлетворительное».

«Новые русские» олигархи были готовы профинансировать лишь те исследования, которые обещали им самим получение прибыли. Между тем российские учёные привыкли заниматься «наукой как искусством», в то время как в новую Россию приходило иное понимание науки как бизнеса³⁸. За десятилетие (1991–2001) в РФ возникла новая система элит и новые привилегии, основной из которых является разрешение делать то, что другим запрещается, извлекая из этого прибыль. Более мобильными оказались руководители научных учреждений естественно-научного и технического профиля: именно эти «быстрые разумом Невтоны» первыми стали создавать совместные с Западом предприятия, свободно обналичивать средства, получать льготные кредиты и распоряжаться недвижимостью. Гуманитарные науки оказались в этих условиях «неконвертируемыми». При этом советская эпоха воспитала в гуманитариях, зачастую имевших лишь два при-

³⁵ *Латин Н. И.* Базовые ценности россиян вчера и сегодня // Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996. С. 65.

³⁶ *Ракитов А. И.* Наука и устойчивое развитие общества // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 10.

³⁷ *Мирская Е. З.* Вот мы какие. Изменение самосознания академических учёных. URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm>

³⁸ *Воронков В. М., Освальд И., Фомин Э. А.* «Утечка умов» в контексте институционального кризиса российской фундаментальной науки // Интеллектуальная миграция в России. С. 47.

сутственных дня в неделю при очень хороших зарплатах, ощущение принадлежности к интеллектуальной элите. Новые реалии поставили учёных-гуманитариев России в положение Элизы из знаменитой пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Миссис Хиггинс упрекала в ней главного героя: «Ты даёшь ей манеры и привычки светской дамы, но не дашь ей доходов светской дамы». Учёные-гуманитарии в постсоветскую эпоху оказались в подобном положении: манеры и привычки они сохраняли те, что достались с советских времен, а доходы их резко упали, оказавшись не сопоставимыми с зарплатой даже продавцов³⁹. Правда, нужно отметить, что несправедливость соотношения интеллектуального потенциала, способностей и зарплат отличает оплату труда не только в РФ, но и во многих странах Запада.

Очевидной привилегией учёных в постсоветскую эпоху остались лишь сравнительно продолжительные отпуска: согласно постановлению № 191 от 20 сентября 1994 г. «О ежегодных отпусках научных работников, имеющих научную степень» были установлены ежегодные оплачиваемые отпуска имеющим учёную степень доктора наук – 48 рабочих дней, кандидата наук – 36 рабочих дней.

Политическая и экономическая элита новой России отказались признавать равной себе элиту научную⁴⁰. К тому же самой адаптированной группой через 15–20 лет после начала реформ стали проявлять себя бывшие представители академической науки, вовремя из неё ушедшие и оставившие далеко позади себя по уровню жизни и удовлетворенности ею своих бывших научных руководителей⁴¹. Что же касается тех, кто уйти из академической системы не решился, то они составили «наиболее социально уязвимую группу населения»⁴².

Сложившаяся к концу XX в. ситуация в российской науке не могла не беспокоить не только научную общественность, но и тех экономистов, которые путем анализа сложившейся ситуации пытались просчитать и спрогнозировать перспективы на десятилетия. Сделанные в 1995 г. подсчёты ведущих статистиков РФ о расчёте динамики затрат на науку в условиях инфляции⁴³ убедительно доказали, что практически во всех научных организациях отмечено резкое снижение затрат не только на зарплаты учёным, но (что куда более опасно) на обновление и развитие материально-технической базы. В меньшей степени от этого пострадали, как утверждали

³⁹ Зачем утруждать себя научными работами, если можно работать продавцом за 9 тысяч?! 13.10.2005. URL: <http://asi.org.ru/ASI3/main.nsf/0/6F710AFAB61D0D54C3257099004E0D64>

⁴⁰ *Крыштановская О. В., Куколев И. В. и др.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. С. 282.

⁴¹ *Балабанов В. А., Воронин Г. А. и др.* Указ. соч. С. 291.

⁴² *Хлебодаров В. Г.*, президент профсоюза работников РАН. Проблемы социальной защиты научных работников // Российская наука. Состояние и проблемы развития: материалы II Всерос. семинара. Обнинск, 1997. С. 196.

⁴³ *Глисин Ф., Малос Н.* О расчёте динамики затрат на науку в условиях инфляции // Вопросы статистики. 1995. № 2. С. 3–12.

авторы, гуманитарные институты РАН (чьи разработки и публикации составили на тот период лишь 7 % от объёма работ, выполнявшихся в академических институтах), в большей – те, что занимались разработкой и внедрением новой техники в производство. За последние десять лет оказались разрушенными целые научные направления (особенно это касается научно-исследовательских институтов, связанных с оборонным комплексом)⁴⁴. Многие фундаментальные направления научной деятельности оказались поражены кризисом, ведь из сферы науки, в которой в 1991 г. работало свыше 1 млн человек, ушло около трети сотрудников (в 1993 г. число научных работников составляло около 700 тыс.). В 1998 г. было открыто заявлено (в качестве комментариев к фактам оттока людей из науки), что «Россия вряд ли себе может позволить более 300 тыс. чел., занятых в сфере академической науки»⁴⁵. Значительная часть оставшихся в академических стенах стала получать основной доход за пределами этих стен, вне науки как таковой. В этом контексте можно было бы вспомнить, что в истории русской научной мысли было немало учёных, которые не занимались наукой профессионально (как, например, Циолковский), но всё же описанная ситуация является вынужденной⁴⁶.

Бывшая когда-то однородной «интеллигентская масса» оказалась раздробленной на отдельные группы. Радикально ориентированные слои интеллигенции, в том числе гуманитарной научной интеллигенции, как раз готовили те реформы, которые привели к власти согласную на них часть общества. Представители этих слоёв (верхушечная часть) резко выделяются уровнем своих доходов, обеспеченностью материальными благами и удовлетворенностью жизнью. Они влиятельны, политически активны, принимают участие в выработке важных решений и в известной степени срослись в столицах с околомногочисленной и предпринимательской частью социума⁴⁷. Не удивительно в этом контексте и то, что абсолютное большинство современных собственников крупных и средних фирм, а в особенности банков – выходцы из интеллигентских семей, обладатели научных степеней и званий⁴⁸. На предприятиях негосударственных форм собственности появились научные работники, получающие за свой научно-исследовательский труд «в разы» больше, чем их коллеги в государственных (бюджетных) учреждениях. В основном в число таких хорошо оплачиваемых «счастливчиков» попали те, кто вовремя понял, что смысл их науч-

⁴⁴ *Исаев В. И.* Кадры академической науки // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 109.

⁴⁵ *Мансуров В. А., Семенова Л. А.* Интеллигенция в социальных процессах современного российского общества // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. С. 159.

⁴⁶ *Mirskaja E. Z.* Russian academic science today: its societal standing and situation within scientific community // Social studies of science. 1995. V. 25. P. 136.

⁴⁷ *Крыштановская О. В., Куколев И. В. и др.* Указ. соч. С. 280–288.

⁴⁸ *Горлов В. А.* Банкир-95. Социальный и политический портрет // Обновление России: трудный поиск решений / отв. ред. М. К. Горшков, М. П. Мчедлов и др. М., 1996. Вып. 4. С. 194–195.

ной работы будет отныне состоять не в поисках научной истины (как того требует фундаментальная наука), а в том, что отныне необходимо превратиться в «инструменталиста», способного искать вознаграждение за истину, которую сможет добыть.

Основная же часть российских интеллектуалов сама резко пострадала от тех преобразований, к которым стремилась. Финансирование науки с начала 1990-х гг. стремительно падало, сократившись к 1995 г. в 4 раза⁴⁹; доля учёных старше 60 лет превысила в академических учреждениях 12 %⁵⁰. Жизненный уровень представителей именно этой части интеллигенции резко снизился (уже в 1995 г. 72 % опрошенных указывали на это как причину неэффективности собственного труда, со временем же это число лишь росло⁵¹), да и само существование научной интеллигенции оказалось поставленным под вопрос. Работники науки оказались, по данным 1997 г., самой низкооплачиваемой категорией москвичей (самой высокооплачиваемой – работники банковской сферы, страхования). Оклады младших научных сотрудников без степени (которые оказывались вынужденными подрабатывать и пробовать развивать умения и навыки, часто в сферах, далёких от науки) оказались в столице ниже средних зарплат технологов по уборке улиц⁵². При этом из уст ответственных за управление страной всё чаще звучал сформулированный в начале периода «шоковой терапии» тезис о том, что «у нас слишком много науки»⁵³: к концу столетия лишь 10 % опрошенных считали, что люди науки и – шире – интеллигенция имеют сильное влияние на общество⁵⁴. Те, которых, как полагали теперь рядовые люди, «слишком много» – сиречь основная масса российских интеллектуалов – стали получать настолько мизерные зарплаты, что они оказались в 6–7 и более раз меньше, чем доходы тех представителей науки, что ушли в бизнес и управление⁵⁵. Они вполне ощутили невостребованность своего интеллектуального потенциала.

Таким образом, российская интеллигенция раскололась на «высшую» (элитарную) и «трудовую» (массовую). Отношения между группами интеллигенции деформировались, возникло недовольство, порождающее социальную напряжённость⁵⁶. Изменился и сам тип научного общения в коллективах. Кто-

⁴⁹ Шапошник С. Б. Проблемы распределения ресурсов в российской науке // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 19.

⁵⁰ Огурцов А. П. Государственная поддержка и самоорганизация – две стороны в управлении наукой // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 29.

⁵¹ Маликова Н. Н., Рыбакова О. В. Путь в науку // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 158.

⁵² Мансуров В. А., Семенова Л. А. Указ. соч. С. 158.

⁵³ Родный Н. Умные, но бедные // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 9. С. 11.

⁵⁴ Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4. С. 33.

⁵⁵ Обновление России: трудный поиск решений. М., 1996. Вып. 4. С. 194–195.

⁵⁶ Козырев А. Н. Приватизация, а не санация науки под видом ее приватизации // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 3. С. 37.

⁵⁶ Мансуров В. А., Семенова Л. А. Указ. соч. С. 168.

то с сожалением, а кто-то с удовлетворением заметил для себя, что коллеги стали более закрыты, стали реже делиться своими идеями. Идеи стали товаром⁵⁷. При этом в Российской Академии наук последнего десятилетия наблюдался устойчивый рост числа докторов наук и сокращение числа кандидатов наук, хотя всегда было наоборот⁵⁸. Рост числа академиков был устойчивым прежде всего потому, что «в Академию стали особенно часто выдвигать не за научные достижения, а за свершения на административном поприще»⁵⁹. Появилась мода на получение степеней доктора и кандидата наук (в особенности в гуманитарной сфере) в среде тех, кто решился на «вхождение во власть»⁶⁰: но женщин-то среди них мало.

Что касается межличностных отношений в российской науке, то они унаследовали большинство черт, присущих аналогичным отношениям в науке советского времени. Главной отличительной чертой советских элит, как полагают современные социологи, была теснейшая связь с государством, а следовательно, этатизм, автократизм в управленческих делах, «прикрывающийся коллективностью»⁶¹. Патронажно-клиентельные связи насквозь пропитывали и пронизывали ткань советского социума, что в эпоху заявленной российской политической независимости обернулось номенклатурным квазикорпоративизмом⁶².

В повседневной жизни современных научных работников, живших «при Советах», работающих и поныне, нами отмечены негативные тенденции. Как и 20 лет назад, доходы и расходы семей работников науки как по количественным, так и по качественным параметрам хуже соответствующих показателей у других категорий работников бюджетной сферы⁶³. При той же структуре ценностей, что и у иных представителей интеллигенции, у людей науки в последние годы заметно снизился интерес к политике, вместе с которым ушло и типичное для советской эпохи опасение репрессий за высказывание своих политических взглядов⁶⁴. И это «после шестидесяти лет, в течение которых они не смели сказать ничего критического, если только не сидя под столом с отключенными телефонами», – изумляется американский науковед Л. Грэхем, оценивая ситуацию со свободой критики в РАН в момент ломки старой системы управления наукой⁶⁵. Несмотря на внедряемую в российское общественное сознание идеологию личной выгоды, несмотря на падение престижа «интеллигентских» профессий в системе ценностей людей, обладающих высшим образованием, на первом месте (у 77 % респондентов) идет потребность

⁵⁷ Воронков В. М., Освальд И., Фомин Э. А. Указ. соч. С. 48.

⁵⁸ Ушкалов И. Кому воспитывать элиту // Поиск. 1996. № 22 (368). 25–31 мая. С. 2.

⁵⁹ Яковенко С. И. Наука в России. Состояние, трудности, перспективы // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 19.

⁶⁰ Крыштановская О. В. Указ. соч. С. 280.

⁶¹ Гамон О. Политические элиты в России. М., 1998.

⁶² Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.

⁶³ Ср. с 1993 г.: Волкова Т. А. Доходы и потребление работников интеллектуального труда // Экономист (Плановое хозяйство). 1993. № 11. С. 75.

⁶⁴ Мансуров В. А., Семенова Л. А. Указ. соч. С. 188.

⁶⁵ Покровский В. Что случилось с советской наукой? // Трибуна НТР. 1990. № 11–12. С. 5.

«жить в согласии со своими нравственными убеждениями», на втором (у 40 %) – «быть новатором, творцом»⁶⁶.

Отличительной чертой лиц, сохранивших положение в системе академического знания, является попытка, по крайней мере на вербальном уровне, выстроить жизненные стратегии на основании моральных принципов («жить в согласии с совестью»), сохранить приверженность пусть материально плохо обеспечиваемому, но творческому характеру труда. Чем меньше уровень достигнутого в науке, полагают социологи, ниже уровень знаний (возможно, даже высшее образование не является законченным), тем очевиднее расхождения по этому показателю с интеллектуальной элитой, выше ориентация не на творческий, а на высокооплачиваемый труд⁶⁷. Академическая среда вообще перестала быть однородной, всё заметнее различия между богатыми и бедными, творчески мыслящими и косными, прогрессистами и консерваторами, работающими на властные структуры и не желающими иметь к ним отношения.

Список литературы:

1. Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1.
2. Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000.
3. Балабанов В. А., Воронин Г. А. и др. Динамика социальной структуры // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998.
4. Бессонова О. Э., Шабанова М. А. Новосибирская экономико-социологическая школа // Социс. 2000. № 8.
5. Богданова И. Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социс. 2004. № 1.
6. Волкова Т. А. Доходы и потребление работников интеллектуального труда // Экономист (Плановое хозяйство). 1993. № 11.
7. Воронков В. М., Освальд И., Фомин Э. А. «Утечка умов» в контексте институционального кризиса российской фундаментальной науки // Интеллектуальная миграция в России / ред. С. А. Кугель. СПб., 1993.
8. Гамон О. Политические элиты в России. М., 1998.
9. Гантман Ю. Н. Удовлетворение деятельностью в связи с качествами личности и параметрами осуществляемой деятельности // Психологические вопросы становления профессионала / под ред. К. М. Гуревича. М., 1976. Вып. 1.
10. Гимпельсон В. Е., Магун В. С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 4.

⁶⁶ Мансуров В. А., Семенова Л. А. Указ. соч. С. 180.

⁶⁷ Там же. С. 146.

11. Глусин Ф., Малос Н. О расчете динамики затрат на науку в условиях инфляции // Вопросы статистики. 1995. № 2.
12. Горлов В. А. Банкир-95. Социальный и политический портрет // Обновление России: трудный поиск решений / отв. ред. М. К. Горшков, М. П. Мчедлов и др. М., 1996. Вып. 4.
13. Городецкий Е. Журнал «Вопросы истории» в середине 50-х гг. // Вопросы истории. 1989. № 9.
14. Григорьян Н. А. Первая советская женщина-академик // Вестник Российской Академии наук. 2003. Т. 73. № 8.
15. Гудков Л. Кризис высшего образования в России: конец советской модели // Мониторинг общественного мнения. 1998. № 4.
16. Гусейнова Л. А. Поиск эффективных подходов к переходу России на устойчивое развитие: особенности социокультурной эволюции ценностных ориентаций женщин на работе и в семье в современном обществе // Служба кадров. 1997. № 11.
17. Дежнина И. У науки женское лицо? // Отчет РФФИ-2004. URL: http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5383.
18. Зусьман О. М. Информационная эмиграция учёных. Постановка проблемы // Интеллектуальная миграция в России / ред. С. А. Кугель. СПб., 1993.
19. Исаев В. И. Кадры академической науки // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2.
20. Климова С. Г., Дунаевский Л. В. Новые предприниматели и старая культура // Социс. 1993. № 5.
21. Козырев А. Н. Приватизация, а не санация науки под видом её приватизации // Экономика и организация промышленного производства. 1993. № 3.
22. Крыштановская О. В., Куколев И. В. и др. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998.
23. Латин Н. И. Базовые ценности россиян вчера и сегодня // Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.
24. Леонтьева В. Н., Сумятин В. Н. Зачем «технарю» аспирантура? // Социс. 1993. № 3.
25. Любимова Г. Ю., Паутов Л. В., Проскурин С. К. О современных проблемах отечественного профессиоведения // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1996. № 1 (январь-март).
26. Маликова Н. Н., Рыбакова О. В. Путь в науку // Социологический журнал. 1995. № 1.
27. Мансуров В. А., Семенова Л. А. Интеллигенция в социальных процессах современного российского общества // Трансформация социальной структуры и стратификация российской общества / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 1998.
28. Мирская Е. З., Мартынова Е. А. Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8.

29. *Мирская Е. З.* Вот мы какие. Изменение самосознания академических учёных. URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0267/3600.htm>
30. *Мирская Е. З.* Учёный и современная наука. Ростов-н/Д, 1971.
31. *Огурцов А. П.* Государственная поддержка и самоорганизация – две стороны в управлении наукой // Вопросы философии. 1994. № 11.
32. *Пельц Д., Эндрюс Ф.* Учёные в организациях. Оптимальные условия для исследований и разработок. М., 1973.
33. *Покровский В.* Что случилось с советской наукой? // Трибуна НТР. 1990. № 11–12.
34. *Ракитов А. И.* Наука и устойчивое развитие общества // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
35. *Реан А. А.* Психологический анализ проблемы удовлетворенности избранной профессией // Вопросы психологии. 1988. № 1.
36. *Родный Н.* Умные, но бедные // Вестник Российской академии наук.. 1999. Т. 69. № 9.
37. *Сазонов В., Попов Н., Волков Р.* Учёные без работы: причины и следствия // Радикал. 1991. № 40.
38. *Ушкалов И.* Кому воспитывать элиту // Поиск. 1996. № 22 (368). 25–31 мая.
39. *Харламенкова Н. Е.* Психологический аспект проблемы самоутверждения личности // Вестник РГНФ. 1996. № 3.
40. *Хлебодаров В. Г.* Проблемы социальной защиты научных работников // Российская наука. Состояние и проблемы развития: материалы II Всероссийского семинара. Обнинск, 1997.
41. *Шапошник С. Б.* Проблемы распределения ресурсов в российской науке // Вопросы философии. 1994. № 11.
42. *Яковенко С. И.* Наука в России. Состояние, трудности, перспективы // Вопросы философии. 1994. № 10.
43. *Mirskaja E. Z.* Russian academic science today: its societal standing and situation within scientific community // Social studies of science. 1995. V. 25.

REPRODUCTION OF LABOR FORCES IN SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIAN SCIENCES: GENDER AND INSTITUTIONAL ASPECTS

N. L. Pushkareva

The Russian Academy of Sciences,
Institute of ethnology and anthropology, Moscow

This article exams on an extensive material the history of three waves of feminization of the Russian sciences throughout the century, as well as problems of unequal payment and other displays of gender asymmetry in modern system of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: History of women's labor, women history, gender, gender discrimination, gender asymmetry, anthropology of academic life, history of everyday life.

Об авторе:

ПУШКАРЁВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором Института этнологии и антропологии РАН, Президент «Российской ассоциации исследователей женской истории».

PUSHKAREVA Natalia L'vovna – the doctor of historical sciences, the professor, the President «Russian association of researchers of female history».

E-mail: pushkarev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.08.2011